

тем, что первая прославляет на византийский манер византийских же властителей, а вторая воспеваает на не менее ученый лад подвиги русских князей и дружины.

Разница значительная, а поэтому — если не будут установлены признаки руссификации дворцовых сюжетов киевских фресок — интерес сопоставления этих сюжетов и «Слова» относительно ограничен. Но этим сопоставлением не следует пренебрегать, потому что в истории русского средневекового искусства (кроме XIV и XV вв.) «Слово» и киевские фрески, эти два светских памятника, занимают свое особое место.

Скульптура в Киеве

Разрушение константинопольских зданий, которые объединяли церковь и дворец (некоторые следы светских построек сохранились на периферии константинопольской Софии, на высоте хор), не допускает научного исследования этой своеобразной ветви византийской архитектуры. Это тем более досадно, что константинопольские здания подобного типа — одновременно церкви и дворцы (скорее церкви с пристроенными к ним дворцовыми помещениями) — оказали, вероятно, влияние на архитектуру не только киевской Софии, но и каролингской и оттоновской западной империй,¹⁵ где к византийским образцам в искусстве обращались часто в поисках моделей или символов христианской теократии.

Несмотря на гибель константинопольских дворцов, мы все же можем отметить кое-какие характерные черты этого дворцового искусства, кроме уже рассмотренных фресок в киевской Софии, также по серии рельефов домонгольского времени, вделанных во внешние стены киевских церквей. Как мы увидим, здесь Киев также следовал за Константинополем, и точно так же поступали венецианцы и, вероятно, немцы оттоновской империи (рельефы в церкви св. Петра возле Фульды и др.).

В Константинополе и других городах Византийской империи внешние стены церквей не сохранили никаких христианских или светских рельефных изображений. Единственное заметное исключение — церковь св. Софии в Трапезунде, где на внешней стороне одного из порталов-притворов виден целый ряд плоских рельефов, сюжеты которых большей частью взяты из книги Бытия. Это исключение (речь идет о скульптуре, занесенной извне) подтверждает правило: привычная западному глазу фигуративная скульптура фасадов полностью отсутствует на памятниках византийского круга. Однако у нас нет уверенности в том, что этот метод исключения как пластического, так и иконографического использования внешних стен церквей восходит к эпохе Византийской империи, так как в Константинополе рельефы с фигурами (светские и религиозные) если и имелись на фасадах, то были, естественно, убраны со стен церквей, когда они были обращены в мечети. Эта гипотеза кажется правдоподобной, потому что такого рода рельефы украшают церкви византийского жанра как в Венеции, так и

¹⁵ Историки раннесредневековой архитектуры Западной Европы предполагают, что подобные своеобразные элементы константинопольской архитектуры оказали влияние на архитектуру некоторых наиболее заметных храмов каролингского и оттоновского зодчества. Это объяснило бы происхождение и назначение так называемых вестверков (западная сторона базилики), столь характерных для церквей этих эпох (IX—XI вв.). По мнению многих современных археологов, верхний этаж этой части зданий, над входом и против алтаря, служил «ложей» для князей. Но окончательное разрешение вопроса о происхождении и практическом назначении вестверков затруднено тем, что соответствующие константинопольские памятники исчезли целиком или в тех частях (на их периферии), о которых здесь шла речь.